

ВДОЛЬ ОБРЫВА ПО НАД ПРОПАСТЬЮ

Билеты с рук по 7000 рублей на Стрелера, расцветший бизнес фальшивобилетчиков, борьба за место на ступеньке в проходе, студент, лезущий на балкон чуть ли не по голому столбу, Меньшиков, Миронов, Костолевский и многие другие звезды в зрительном зале — так выглядит фон Театральной Олимпиады. В минувшие выходные московской публике были предъявлены две «козырные карты» Олимпиады — «Игра снов» в постановке Роберта Уилсона в Шведском «Штаатстеатре» и «Отелло» Эймунтаса Някрошюса литовского театра «Meno fortas»

Ольга ФУКС

Роберт Уилсон — европейская знаменитость американского происхождения. Он родился в маленьком городке штата Техас и в театр впервые попал в 21 год — в России в этом возрасте актеры и режиссеры получают дипломы. Архитектор по образованию, Уилсон начал заниматься театром в 27 лет, взяв опеку над тринадцатилетним чернокожим глухонемым подростком, не учившимся в школе, вообще не знавшим слов и мыслящим образами, которые и стали материалом для их первого спектакля. Эти родовые признаки режиссуры Уилсона — архитектурное мышление и дословесная образность — до сих пор определяют его спектакли.

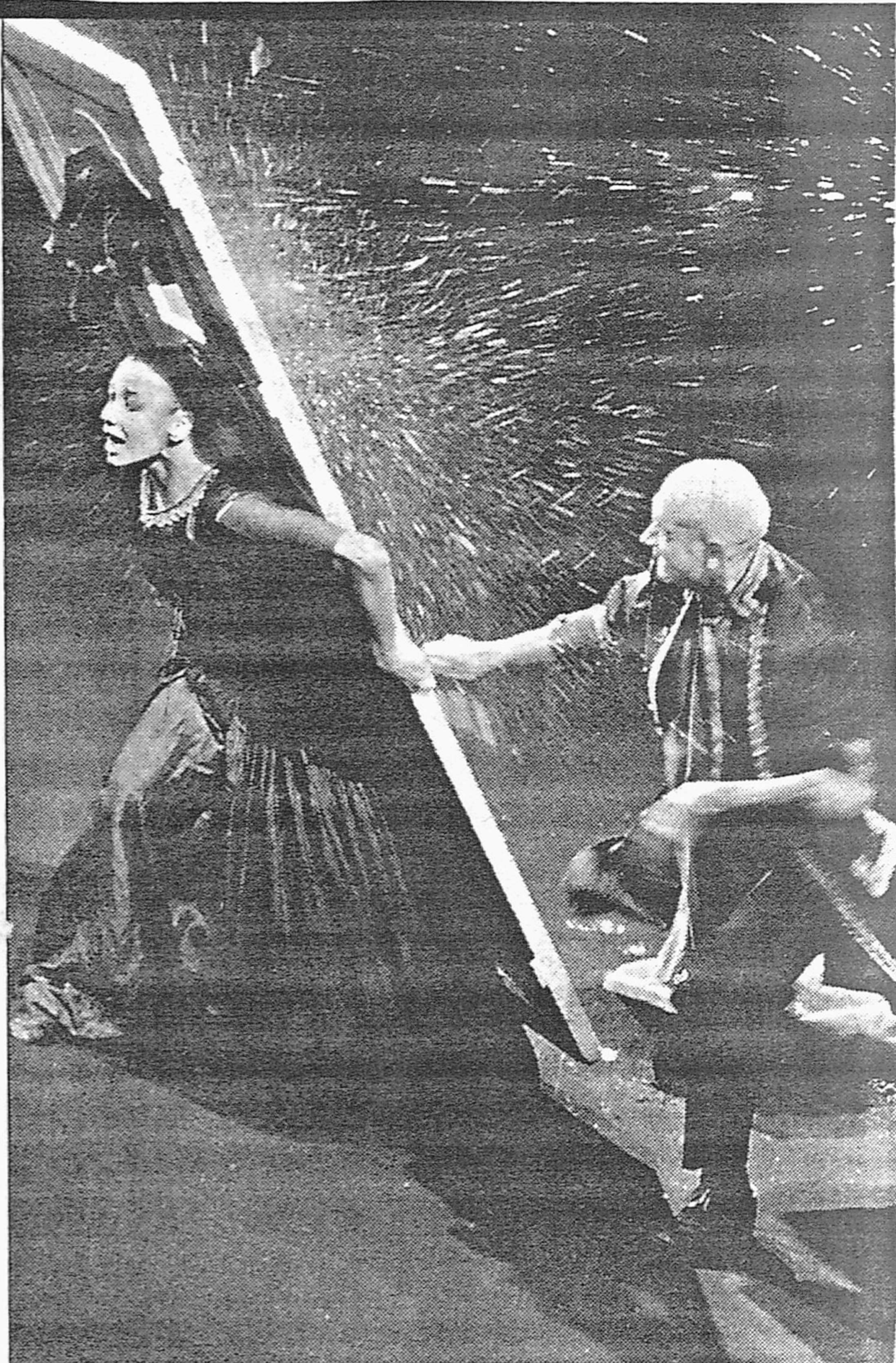
«Игра снов» Стриндберга — история дочери бога Индры, которая спустилась на землю, чтобы убедиться в том, что людям действительно тяжело живется; убедилась и вознеслась обратно на небо. Это второй спектакль Уилсона, показанный в Москве (первой была гревожная, чувственная, бесподобно красивая «Персефона»), и оба игрались во МХАТе им. Чехова, цитадели психологического театра, с которым у Роберта Уилсона, чей идеал театра — абстрактные балеты Баланчина, нет ничего общего. Формула «игра снов» освобождает от формальной логики и дарит полную свободу фантазиям и ассоциациям. На мой взгляд, то «Игру снов» просто обязаны были смотреть режиссеры, ху-

ложники по свету, сценографы, композиторы, пишущие для театра, и звукорежиссеры. Потому что по светописи, гармонии уравновешенной ассиметрии мизансцен, полифоничному созвучию голосов, скрипов, шорохов и «закадровой» минималистской музыки спектакль Уилсона практически идеален. При этом он выглядит этаким инсталляцией, голлограммой, икебаной, смоделированной на компьютере, где живой актер — всего лишь одна из составляющих.

Театр «Meno fortas» Эймунтаса Някрошюса — метафоричный по способу высказывания, античный по мощи трагедийного мышления и вполне западный по способу работы (он арендует сцену всего за 10 дней до премьеры и зарабатывает деньги в основном на фестивалях — в Литве невозможно поднять цены на билеты выше \$5). «Отелло» как бы замыкает шекспировскую трагедийную трилогию вслед за «Гамлетом» и «Макбетом».

Надо ли говорить, что никакой морилки на лице Отелло (Владас Багдонас) нет. Его «чернота» — приближающаяся старость, украшенная неожиданным подарком судьбы: гибкой, юной, трепетной Дездемоной (литовская балерина Эгле Шпокайте). Их пара — гармония хрупкости и силы с картины «Девочка на шаре», зародыш трагедии, изначально заложенный в счастье.

Две ключевые силы, движущие человеком, — любовь и зависть — Някрошюс выражает с

Вода у Някрошюса тождественна любви (Дездемона — Эгле Шпокайте и Отелло — Владас Багдонас)

помощью двух стихий: огня и воды. Испепеляющая сила огня-зависти (Яго отравляет Отелло ревностью около задушевного ночного костра) и очищающая гибельная сила воды-любви. Но сколько же он сумел сказать с помощью одного только этого образа. Отелло в начале подает Дездемоне стакан воды, как залог любви. Отелло отправляется в путь, и брызги из-за кулис летят ему в спину, как предзнаменование. Отелло подносит Дездемоне к краю обрыва и поднимает над реющим океаном — единственной стихией, что сопоставима с его любовью. Он впускает в себя ревность, подражая вслух судьбу, — и волна сбивает его с ног. Вновь несет к обрыву обреченную Дездемону, и она уже без страха смотрит в эту бездну — свою судьбу. Под напором воды начинают протекать стены — как будто кровоточит сердце. Водой Отелло умоется перед убийством, которое больше напоми-

нает неосторожное, слишком сильное объятие. А после польет цветы на могиле Дездемоны остатками воды, как остатками жизни. На воду, в притихшее море, спустит Кассио лодку с погибшим Отелло, как и положено хоронить моряков. Из воды-любви он вышел, в воду и возвращается.